

Жизнь словно вернулась в прежнее русло — спокойная, тёплая, подобная пруду, на поверхности которого не дрогнет ни одна рябь. Линь Янь больше не заводил разговоров о Линь Ване или той сорвавшейся выставке. Он вновь стал привязчивым и послушным, сосредоточив всё своё внимание на Се Юньшэне.

Он написал множество портретов Се Юньшэня, фиксируя его под разными углами и в самых разных настроениях. Он сопровождал его на концерты классической музыки, от которой порой клонило в сон, и посещал тщательно отобранные художественные выставки. В таких местах он тихо следовал по пятам, не обращая ни малейшего внимания на любопытные, пытливые или многозначительные взгляды окружающих. И лишь когда Се Юньшэнь, прервав беседу, опускал на него взгляд, Линь Янь отвечал ему зависимой, исполненной абсолютного доверия улыбкой.

Казалось, он полностью принял навязанную ему роль — роль ручной птички, в глазах которой нет никого, кроме хозяина.

Се Юньшэнь был явно доволен таким положением дел. Он наслаждался беззаветной привязанностью и растущим собственничеством Линь Яня — ведь этот волчонок стал не только ласковым с ним, но и научился враждебным взглядом отгонять любого, кто осмеливался приблизиться, будь то мужчина или женщина. Такое острое, направленное только на него чувство принадлежности доставляло огромное удовольствие жадному зверю, таившемуся в глубине его души.

Однако под этой кажущейся незыблемой властью в незаметных уголках уже начали расползаться тонкие трещины.

Линь Янь начал страдать от бессонницы.

Когда Се Юньшэнь погружался в сон, Линь Янь украдкой открывал глаза и в темноте вглядывался в размытый силуэт рядом. Лицо спящего мужчины по-прежнему было безупречным, с лёгкой болезненной бледностью и детской беззащитностью. Но Линь Янь больше не мог, как раньше, черпать в этом зрелище полное спокойствие.

Недосказанность госпожи Ван, та самая «случайно» отменённая выставка — словно два ржавых гвоздя, они вонзились в его прежде безмятежный, зависимый мир. Он больше не верил в чистые совпадения. Он начал вспоминать: каждое казавшееся случайным решение Се Юньшэня, каждое своевременное появление дядюшки Чжоу, те сообщения в телефоне, что проходили через тщательную фильтрацию... Ощущение чего-то пугающего, подобно холодной змее, медленно обвивало его позвоночник.

Он не был свободен. Возможно, даже его мысли не были полностью свободны. Всё его существование было тщательно срежиссировано невидимой рукой.

Это осознание вызывало удушье. Днём, когда Се Юньшэнь нежно смотрел на него, Линь Янь подсознательно старался отвести взгляд, избегая этой пронизательности. А когда Се Юньшэнь по привычке гладил его по волосам, кожа на затылке покрывалась мурашками.

Он был подобен марионетке на невидимых нитях, старательно играющей роль невинного и зависимого существа, но при этом отчётливо слышал внутри себя скрип костей, не выдерживающих нагрузки.

В тот день после обеда Се Юньшэнь в кабинете проводил важную видеоконференцию с зарубежными партнёрами. Линь Янь, как обычно, свернулся калачиком на диване с подушкой в обнимку и листал альбом для рисования, не перевернув ни страницы.

Конференция шла не слишком гладко: собеседник на другом конце экрана был явно взвинчен, говорил быстро и с нескрываемым недовольством. Линь Янь не понимал сложных деловых терминов, но чувствовал, как в воздухе сгущается тяжёлая атмосфера.

Се Юньшэнь сидел к нему спиной, лицом к огромному монитору. Линь Янь видел лишь его стройную, прямую спину и тщательно уложенные тёмные волосы.

Поначалу голос Се Юньшэня звучал привычно — мягко и спокойно, с той умиротворяющей силой, с которой он терпеливо что-то разъяснял.

Однако собеседник, похоже, не собирался уступать, и его тон становился всё резче.

В какой-то момент Линь Янь заметил, как левая рука Се Юньшэня, лежавшая на подлокотнике кресла, медленно сжалась в кулак, и на бледной кисти проступили светло-голубые вены. Это было едва заметное движение, и если бы Линь Янь не наблюдал за ним с таким беспокойством, он бы его не заметил.

Сразу после этого он услышал голос Се Юньшэня. Тот по-прежнему звучал мягко, даже с ноткой усталой усмешки, но сказанные слова заставили Линь Яня вмиг оцепенеть, словно он провалился в ледяную прорубь:

— Господин Ли, я надеюсь, вы понимаете, что я не люблю повторяться. Шанс вам был дан, но вы не сумели им воспользоваться.

Его тон почти не изменился, он говорил так, словно обсуждал погоду, но холод и не терпящая возражений решимость в этих словах заставили даже Линь Яня, находившегося по ту сторону экрана, содрогнуться.

— Что касается проблем, которые вас беспокоят... — Се Юньшэнь тихо усмехнулся. Этот смех, донесшийся через пространство, был пропитан зубодробительной жестокостью. — Не волнуйтесь, у вас не будет возможности ощутить последствия. В конце концов, заставить вашу компанию исчезнуть за неделю для меня куда менее утомительно, чем раздавить муравья.

Он произнёс слово утомительно, но в его голосе сквозила равнодушная жестокость человека, в чьих руках сосредоточена власть над жизнью и смертью.

На другом конце видеосвязи воцарилась мёртвая тишина. Спустя несколько секунд послышался дрожащий, подобострастный ответ.

Се Юньшэнь больше не проронил ни слова и просто отключил связь.

В кабинете снова стало тихо, слышался лишь приглушённый шум города за окном. Се Юньшэнь продолжал сидеть спиной к нему, замер на несколько секунд, а затем поднял руку, на которой только что вздувались вены, и неспешно поправил манжет — ни капли не помявшийся, с элегантностью, присущей ему всегда.

Он обернулся, и на его лице уже вновь играла привычная Линь Яню мягкая, слегка утомлённая улыбка, словно тот человек, что только что излучал ледяную угрозу через экран, был лишь видением.

— Помешал тебе? — он подошёл к Линь Яню с виноватым видом. — Пустяковая проблема, уже всё решил.

Линь Янь оцепенело смотрел на него, на его чистую, с чётко очерченными суставами руку, протянутую к нему, на его глаза, полные нежности и участия. Холод от самых стоп ударил в голову, парализуя тело.

В этот миг он с предельной ясностью осознал: та нежность, которую он считал настоящей, была лишь крошечной стороной, которую этот человек позволял ему видеть. Под этой мягкой, как нефрит, оболочкой скрывалась бездонная ледяная пучина, мощная сила, способная сокрушить всё на своём пути.

То, на что он всё это время полагался — была ли это тихая гавань или хищный зверь в овечьей шкуре, готовый проглотить его в любой момент?

— Что случилось? Ты такой бледный. — Рука Се Юньшэня легла ему на лоб, пальцы были прохладными, с привычным свежим ароматом.

Линь Янь резко вздрогнул и почти инстинктивно отпрянул, избегая прикосновения.

Этот едва уловимый, подсознательный жест заставил улыбку Се Юньшэня на мгновение дрогнуть. В глубине его тёмных глаз нежность, словно поверхность воды, в которую бросили камень, пошла рябью, но тут же вновь стала спокойной.

Он убрал руку, не настаивая, и лишь посмотрел на Линь Яня с идеально выверенным выражением замешательства и беспокойства:

— Тебе нехорошо?

Сердце Линь Яня бешено колотилось, готовое проломить рёбра. Он смотрел на безупречную нежную маску Се Юньшэня, и огромный страх, смешанный с невыразимо ясным осознанием, разрывал его на части.

Он изо всех сил уцепился за ладонь, и острая боль помогла ему сохранить хоть каплю самообладания. Он опустил ресницы, скрывая бушующие эмоции, и тихо, с нарочитой, ищущей утешения слабостью произнёс:

— Нет... просто голова немного кружится. Наверное... плохо спал ночью.

Он сам протянул руку и слегка ухватился за край одежды Се Юньшэня, как испуганный зверёк, ищущий защиты.

Се Юньшэнь посмотрел на его руку, на опущенную, выглядевшую такой беззащитной шею, и тень сомнения в его глазах медленно рассеялась, вновь сменяясь густым удовлетворением и жадной контролью.

Он притянул Линь Яня к себе в объятия, погладил по спине, и его голос стал таким мягким, что, казалось, мог источать влагу:

— Тогда отдохни ещё немного. Я побуду с тобой.

Линь Янь уткнулся лицом в его грудь, чувствуя ровное, сильное сердцебиение под, казалось бы, хрупкой грудной клеткой, вдыхая тот самый аромат, который вьелся ему в самую суть.

Он закрыл глаза, покорно прижавшись к Се Юньшэню, продолжая играть роль испуганного и зависимого.

Только он сам знал, что где-то в глубине души что-то окончательно разбилось. Невидимые нити всё ещё опутывали его, но теперь он отчётливо ощущал их присутствие и ту пугающую силу, что таилась в пальцах, управляющих этими нитями.

Он больше не был тем несмышлёным зверьком, что лишь искал тепла.

В своём нежном заточении он впервые открыл глаза и прозрел.

<http://bllate.org/book/18641/1795293>